

ДЕТЕКТИВНОЕ ПЕТРО

ЧИТАЙТЕ АТМОСФЕРНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ЮЛИИ ЛИ

В СЕРИИ

«ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО»:

Синдром Гоголя

После маскарада

Дом на Баумановской

ДОМ НА БАУМАНОВСКОЙ

ЮЛИЯ ЛИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Художественное оформление *С. Курбатова*

Ли, Юлия.

Л55 Дом на Баумановской / Юлия Ли. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-162280-0

Москва, сентябрь 1928 года. При странных обстоятельствах застрелился агент угрозыска. Старший следователь Фролов подозревает убийство и отправляется за вердиктом к судмедэксперту профессору Грениху. Тот подтверждает факт суицида, но советует начать дознание. Погибший агент протоколировал массовые беспорядки с участием бывших военнопленных — оказалось, иностранцы разжигают контрреволюционные скандалы и устраивают дебоши против советской власти. В это втянуты не только чиновники, но и простые школьники. Дочери профессора Майке придется спасать своих товарищей от суда, а самому Грениху — схватиться с собственным Мориарти и попытаться разоблачить подпольную сеть, занимающуюся жилищным вопросом отнюдь не по советским законам...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162280-0

© Ли Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Уполномоченный МУРа 5-го района города Москвы Семен Баранов вышел из здания уголовного розыска в Большой Гнездинковский переулок. 19 сентября 1928 года. Он мысленно представил это число на своем надгробном камне рядом с датой рождения.

Было туманно и сыро, стремительно сгущалась темнота, фонари еще не зажгли. Семен снял кепку, обернулся и, будто прощаясь, глянул на трехэтажный плоский особняк, принадлежавший до революции Департаменту полиции, а ныне московскому угро. Его чуть покачивало. Близкая смерть уже пробралась под кожу. С тяжелым вздохом он провел ледяной влажной рукой по потному лицу и ежику коротко стриженных волос.

Решено! Сегодня покончит с этим навсегда, больше покрывать их не намерен. Либо он, либо его. И невольно сжал ручку «нагана», спрятанного за ремнем под полой куртки. Такого суда, как в 1924-м, уже не будет, тогда почти всех взяточников из МУРа оправдали или освободили под амнистию. На дворе стоял 1928-й, кругом чистки, доносы, аресты. Если всплывет эта история — расстрел, позор семье.

Баранов сделал несколько шагов вдоль ограды, жадно цепляясь за чугунную решетку и каменные выступы. Его взгляд был прикован к ногам, с каким-то отчаянным страданием он наблю-

дал, как под стоптанными, выдавшими виды ботинками хрустит палая листва, понимая, что делает такое простое наблюдение, быть может, в последний раз. Пронзенный этой мыслью, он повернул обратно и быстро пошел в сторону грязно-зеленой одиннадцатизэтажной громады бывшего дома Нирнзее, нынешнего Моссовета, ощутив себя под ним ничтожно маленьким и жалким. Из домовой кухни с первого этажа запахло рассольником, а он не ел с утра, скрутило желудок. Где-то над ним сидят люди в кафе на крыше, весело щебечут влюбленные парочки в темноте кинотеатра. Сегодня давали «Дом на вулкане» про рабочих-нефтяников из Баку, а он с трудом переставлял ноги в тяжелых ботинках по сухим листьям навстречу собственной гибели.

Страстная площадь встретила шумом и светом, на миг подарив отрадное успокоение и чувство продолжающейся жизни. Вокруг чугунного Пушкина все кипело и гудело. Мчались вереницей таксомоторы — черные «Рено» и «Форды», притормаживая, выплевывали торопящихся пассажиров и убегали. Проезжали пузатые автобусы и рогатые трамваи, то и дело сходясь и расходясь со своими собратьями, идущими по встречным путям. Сновали туда-сюда люди — женщины в прямых пальто и низких круглых шляпках, комсомольцы в серых юнгштурмовках, мужчины в белых фуражках, прорезиненных макинтошах, двубортных пальто добротного английского драпа и модных нэпманских шляпах. Тут же на углу здания аптеки дети большой дружной кучкой пересчитывали на раскрытых ладонях мелочь, гуляли парочки, цветочница шарахалась от прохожего к прохожему, суя охапки разноцветных флоксов и астр.

Большими шагами Баранов двинулся сквозь людской водоворот к низенькому одноэтажному магазину «Госиздата», обошел книжную лавку кругом, не зная, что делать, куда податься, поднял голову лишь на миг, как пловец, выхватил из панорамы вывеску «Известия», следом «Кинотеатр Тверская, 46» и механически повернул на Тверской бульвар. Здравый смысл подсказывал: лучше оставаться в гуще народа, но он же говорил обратное: чем

многолюднее место, тем проще будет Смерти сделать свое грязное дело и рассеяться в толпе, как бывало уже не раз. Тяжело стучало сердце, по заливку пробегал холодок. Баранов чувствовал ее — Смерть, шагающая, плывущая, парящая черной тенью рядом, словно задевала его краем своего макинтоша. И куда бы он ни пошел, она дышала в спину.

Он был здесь, он выследил его. Он и был Смертью.

Не слухом, поглощенным ударами в ребрах и шумом в ушах, и не зрением — глаза по-прежнему были прикованы к тому, как под истертой подошвой сминаются кленовые и дубовые листья, но каким-то внутренним чутьем, печенкой, он ощутил близость своего преследователя — так загнанный зверь угадывает приближение охотника.

Рассчитывая сбить его с толку, Баранов метнулся через улицу, чуть не попав под колеса трамвая, отчаянно заверещавшего колокольчиком.

— Так твою и разэтак! — крикнул ему в спину вагоновожатый из окошка, потрясая кулаком.

Баранов застрял на середине дороги, мимо пронеслась извозчичья пролетка, следом черная махина таксомотора, за ней, извергая клубы бензиновых паров, грузовик. Он кинулся к тротуару, случайно сбил плечом едущего по обочине велосипедиста, завертевшись волчком, толкнул какую-то тетку в пуховом платке, повязанном на груди крест-накрест, та вцепилась в свою матерчатую сумку, плотно забитую продуктами.

— Милицию позову! Ишь!

Баранов дернул, как оголтелый, к Никитскому бульвару, слыша только шум ветра в ушах и то, как ухало, отдавая в голову, сердце. Потом вспомнил, что на Никитском жили родственники жены, где-то рядом была школа, куда ходили его дети, здесь он мог встретить знакомых, и завернул в Калашный переулок.

Черная дыра арки длинного, как кишка, мрачного двухэтажного дома манила своим ложным покоем. Почти ничего не соображая,

он нырнул в нее, прижавшись спиной к грязной, облупившейся стене. Пахло гнильем, человеческими испражнениями с примесью влажной извести. Рассудок — подтаявший студень — растекался, в глазах рябило. Баранов полез проверять, на месте ли «наган». Непослушной рукой с перекошенными судорогой пальцами принялся шарить за поясом. Глухой звук падающего на мостовую металлического предмета вернул ясность рассудка. Баранов выдавил злобное ругательство и стек по стене спиной, потянулся руками куда-то в темноту. В глубине арки, во дворе, горела пара окон, но их сероватого, поддетого дымкой света не хватало, чтобы разглядеть, где он уронил револьвер. Пальцы шарили в забившихся у стены перегнивших комках листьев и чего-то еще смрадного, на ощупь склизкого. Мостовая была мокрой — в арках никогда не просыхало, и в самую июльскую жару стены всегда покрыты аспидными пятнами плесени.

И тут над ним выросла *ego* черная тень.

Бросится в узкий проход — и угодит в тупик. Что останется? Забежать в какой-нибудь подъезд? Стучать во все двери? Кто пустит беглеца в свою квартиру?

Сжав зубы, с утробным рычанием он отпружинил от пола и протаранил его головой. Думал, напорется на нож или раздастся выстрел, но тень качнулась и отступила, а Баранов вновь помчался через Калашный переулок к Никитскому бульвару. Ждал выстрела в спину, но вот огни широкого бульвара, и он на свободе, живой... Надолго ли? Весь Гоголевский бульвар галоп он сменял на пеший шаг, оглядывался, ничего позади не видя, словно был в очках с залитыми дождем стеклами. Слева церковь Ржевской Божьей Матери, справа здание Верховного суда, где он бывал не раз по долгу службы. У самых Никитских ворот взгляд привлекла новая будка телефона-автомата, о которой только сегодня читал в «Вечерней Москве». Надо бы сделать последний звонок жене, попрощаться, что ли... А к будке, как назло, выстроилась длиннущая очередь. Захотелось домой, но нельзя, там дети. Если уж и порешат, то пусть подальше.

На углу Волхонки и Знаменки Баранов припал к камню маленькой часовенки, ощущая под пылающими ладонями почти могильный холод выбеленной стены. И лишь через несколько минут смог отдышаться и различить в тумане фигуру идущего к нему патрульно-постового милиционера. Черная шинель, фуражка с красным околышем, на поясе — кобура.

Баранов затаил дыхание, наблюдая за его приближением. Тот словно нарочно замедлял шаг, вглядываясь опасливым прищуром в прижавшегося к стене человека. Наверное, взлохмаченный, в перепачканной чем-то смрадным куртке он казался подозрительной личностью. Время замерло. Шаг, шаг, шаг... И едва милиционер стал поднимать руку, чтобы отдать честь — неужели знакомый, узнал? — Баранов одним молниеносным движением бросился на него, вцепился в пояс, расстегнул кобуру и выхватил оружие.

Теперь за ним гнались двое. Милиционер орал, страшно сквернословя и топоча сапогами, другой шел по ту сторону Волхонки с убийственным спокойствием человека, уверенного, что достигнет цели, пусть даже та и старается изо всех сил уйти, отползти, как полузадушенная мышь от неспешной лапы сытого кота.

Впереди показались мрачные в темноте осеннего неба шпили и купола храма Христа Спасителя, вокруг кружили, каркая, стаи воронья. Нет, не спасется, и просить нечего ни у бога, ни у черта. Человек этот, что шел за ним, не знает пощады, на лбу его чудовищный шрам — в войну голову его чуть не разрубили надвое, выжил, наверняка продав душу какой-то темной силе. Не человек он, страшный механический зверь с поврежденным разумом. Не остановится ни перед чем.

Обогнув сквер у храма, Баранов нырнул в кусты в надежде, что этот маневр останется для преследователя незамеченным.

Три оглушительных выстрела спугнули с деревьев целую стаю ворон, усевшихся было на ночную спячку. С бранными криками снялись они с веток и взмыли в воздух к тонущим в черноте осеннего неба крестам.

Глава 1

Курс судебной медицины профессора Грениха

Старший следователь Алексей Фролов совершенно не чувствовал себя ни старшим, ни следователем.

Окончив строительный факультет Института инженеров транспорта еще в 26-м, Алексей, будучи на хорошем счету в райкоме комсомола, просил-умолял заведующего орготделом зачислить его в список московского комитета мобилизации комсомольцев в институт практикантства при уголовном отделе губсуда — попытать счастья стать сыщиком. Очень многие его знакомые ушли в следователи, и он хотел. Прошел стажировку, с успехом держал экзамен в аттестационной комиссии перед председателем Стельмаховичем и губпрокурором Швецовым, который был особенно пристрастным в определении пригодности на должность старшего следователя. И вот сбылась заветная мечта — теперь он работает в следчасти при прокуратуре в Столешниковом переулке, занимается уголовными делами, проводит дознания, имеет служебный автомобиль, собственный кабинет в два окна, со столом и телефоном. Все бы ничего, и справляется неплохо, но душашщее чувство, что он плавает, что он — самозванец, ничего не смыслящий в следственных вопросах, не дает ему и шага ступить самостоятельно.

Все упиралось в то, что стажировку Фролов проходил у человека, который не был образцовым следователем, структура суда еще толком не устоялась, а работа его не всегда соответствовала циркулярам Наркомюста. Например, вместо того чтобы отдать в подчинение председателя суда административно-хозяйственную часть, вводятся какие-то туманные должности вроде «управляющего делами», уголовный отдел захватил власть над архивом, которым по циркуляру должна заведовать следчасть, и в завершение — полностью отсутствует охрана, хотя в штате числятся двадцать шесть человек, на которых отпускают немаленькие средства. Так и Мезенцев, прикрываясь должностью старшего следователя, нес обязанности заведующего члена суда при 6-м столе, а в нем велись дела смешанного характера, то есть такие, где должностные преступления переплетались с бандитскими, те с хозяйственными, а материалы дознания зачастую проходили под грифом «Секретно».

Алексей был не только лишен хорошего наставника, но совершенно не знал, как именно работает следственная часть, ибо Мезенцев почти не появлялся в своем кабинете в Столешниковом переулке, а все свое время проводил при уголовном отделе суда на Тверском бульваре. Должность заведующего 6-м столом за Фроловым, конечно же, не оставили. И он присоединился к другим тридцати четырем старшим следователям, занимавшим второй, четвертый и пятый этажи здания прокуратуры, чтобы вести скучное производство дознания. Никаких таинственных преступлений, заковыристых дел, какими занимался ставленник генсека — покойный Мезенцев, всего лишь простая обывательская бюрократическая возня, наполненная карточками, папками, ведением статистических журналов, копание в бухгалтерских бумажках, прием и рассмотрение кассационных жалоб, поверх чего налагалась еще и партийная работа с ее вечными заседаниями, докладами и прочей показухой.

Заняв всегда пустовавший кабинет своего таинственного предшественника, новоиспеченный старший следователь Фролов

почувствовал себя чужим, одиноким и потерянным в этом большом, суетливом муравейнике. По иронии судьбы, прокуратура со следчастью делила пятиэтажное здание с 26-м отделением милиции, складом Винторга, кооперативом «Коммунар», пекарней и целой тьмой магазинов, парикмахерских и модных лавок, размещенных на первом этаже.

Думал Фролов, будет «как Шерлок Холмс», а не выходило даже «как Лестрейд». У него не имелось никого, кто мог бы подсказать, как поступить в том или ином случае, как вести допрос, какую линию взять со свидетелем или подозреваемым. То, как вел дела Мезенцев — выслеживал, пытал, запугивал, — было недопустимо. Алексей знал все кодексы, циркуляры и декреты наизусть, вызубрил еще во время практики, но все равно не хватало опыта работы с людьми — простыми советскими рабочими и служащими, ворами, проститутками, фининспекторами, кооперативщиками-нэпманами, «бывшими», которых теперь у него всегда был полон кабинет.

Начальник — губпрокурор — смотрел с холодным пренебрежением на выпускника стройфака, остальные следователи, большей частью «от станка и от сохи», без высшего образования, помалкивали в его присутствии — Фролов занял место человека, когда-то назначенного Сталиным, почти тайного агента. Некоторые, не знающие всей подноготной, шептались, что-де Алексей его подсадил и теперь сам не то шпик, не то подсадной, не то тоже человек генсека. Убийство следователя Мезенцева в театре Мейерхольда, разумеется, умело замяли, никто не знал, как блестяще Алексей вместе с судебным экспертом профессором Гренихом раскрыл его преступную деятельность¹.

Вот и ходил иногда Фролов просить совета профессора, как человека сведущего в поведенческой психологии, судебной медицине, да и в жизни тоже.

---

¹ Читайте об этом в романе Юлии Ли «После маскарада» (издательство «Эксмо»).

Специалистом Грених был действительно редким, один на всю Москву, потому что обладал специальными познаниями в психиатрии, владел гипнотическим методом, проводил и вскрытия, и сложнейшие судебно-химические анализы. До войны и революции он два года изучал в Московском университете судебную медицину, а потом нервные и психические болезни, работал в Преображенской психиатрической больнице, получил экстраординарного профессора и читал студентам юридического лекции по судебной медицине, но не простые, а с элементами психологии и психопатологии, что в те времена было большим новаторством.

Институт судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского, или сокращенно ИСПЭ, где Грених работал сейчас, занимая должность старшего судебного эксперта и заведующего патологоанатомической лабораторией, возвышался за каменной оградой в Кропоткинском переулке трехэтажным серым зданием. Когда-то это место считалось всего лишь Пречистенской психиатрической больницей, но теперь образованный на базе больницы институт вел исследовательские работы в области личности преступника и психологии преступления, давал развернутые судебно-медицинские и психиатрические экспертизы и продолжал обучать практикантов.

Благодаря тому что весной институт посетила делегация ученых откуда-то из заграницы, Наркомпрос постановил ассигновать на его развитие большие средства. Затеяли ремонт, в подвальном этаже оборудовали морг с настоящими холодильными помещениями, усовершенствовали патологоанатомическую лабораторию. Торопились закончить все преобразования к осени, чтобы в новом учебном году успеть принять учащихся специального судебно-медицинского курса, который вел профессор.

Каждый четверг в послеполуденный час он проводил для студентов настоящие вскрытия, объясняя нюансы, детали, разбирая редкие случаи. Фролов все бы отдал, чтобы пройти такой курс,

но службу оставить не мог. Половина обучающихся приходила к профессору в надежде что-нибудь выведать про гипноз, но курс по гипнотическому методу был вычеркнут из лекций института еще в прошлом году. Теперь гипноз разрешался только в стенах ИСПЭ, по специальному письменному разрешению Наркомздрава и по соглашению с Наркомюстом. Это значило, что он применялся секретно, в протоколах допроса упоминался редко, сведения, добытые с его помощью, прикрывали всем чем ни попадя: и липовыми свидетельскими показаниями, и агентурной работой, иногда информацию вытягивали из допрашиваемого уже после сеанса гипноза умело заданными наводящими вопросами, подгоняя второе под первое.

Фролов пересек необычайно оживленный присутствием студентов, стажеров и вольнослушателей приемный покой бывшей больницы, неловко махнув знакомой медсестре и поздоровавшись с завхозом, который, как немой, сделал жест пальцем вниз, показывая, где искать профессора.

Алексей и без того понял, что Грених в секционной, где через десять минут начнется практическое занятие, которое он вел на пару со своей молодой женой Агнией Павловной, студенткой третьего курса кафедры судебной химии, проходившей здесь стажировку под научным руководством супруга.

Комкая в руках свою клетчатую кепку, а локтем прижимая к боку папку, Фролов протискивался вдоль задней стены секционного зала, полностью забитого учащимися. Под холодным светом ламп блестел новенький белый кафель, сверкали металлические детали ящиков и столов, теснились фигуры студентов и студенток, тепло укутанных в пальто и шинели, замотанных шарфами, в шапках и пуховых платках. Они беспрестанно друг с другом галдели, испуская при этом густой пар. Агния Павловна всегда просила тепло одеваться на занятия — новые холодильные камеры, работающие с помощью насоса и аммиака, который гоняли по многочисленным трубам, помогали поддерживать в морге градусов пять по Цельсию.

Тут все замолчали и прижались плечом к плечу, Фролов оказался оттесненным к двери. Створки распахнулись, впустив профессора, которому было чуть больше сорока, одетого в делающую его каким-то франтом хорошо пошитую темно-серую бостоновую пару, коротко стриженного волосок к волоску, гладко выбритого и подтянутого. От него не просто исходило сияние человека, находящегося у правительства на особом положении, что, впрочем, так и было, от него веяло особой силой и уверенностью блестящего специалиста и знатока своего дела. Все учащиеся были от него без ума, невольно подражали его смелой манере, студентки провожали влюбленными взглядами.

Женившись, Константин Федорович, как это обычно бывает, невероятно преобразился и лет на десять помолодел — можно сказать, стал совершенно другим человеком, чему Фролов безмолвно завидовал. Но таким профессор был не всегда.

Еще год назад он ходил нелюдем и букой в старом неопрятном военном плаще, руки не вынимал из карманов и говорил всегда резко, будто плюясь. Худящее и заросшее седой щетиной лицо вечно было нахмурено, черные с проседью волосы нечесаными прядями свисали на глаза — были времена, когда Грених страшно стеснялся своего гетерохромного взгляда. В войну он служил старшим врачом дивизионного лазарета, после революции зачислился в ряды Красной армии, но все равно попал в список красного террора, чудом выжил и два года проработал прозектором в морге Басманной больницы, занимаясь распределением тел погибших на фронте. Есть от чего одичать. Но Фролов этого не знал и всегда недолюбливал профессора из-за его непробиваемой черствости, а познакомился ближе только благодаря истории с маскарадом в театре Мейерхольда. Оказалось, Грених был человеком хоть и скрытным, но бесстрашным и благородным — в одиночку бросился разоблачать коварных преступников, получил пулю в легкое, молчал как партизан, боясь невинных подвести под опасность, пока не дознался до истины. В делах следственных он